

ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Н. А. Комлева

РОССИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГОМОМОРФОЗА

Мир един, как доказывало не одно поколение философов, и имеет немногочисленные, но непреложные законы. Один из них — закон гомоморфизма, согласно которому развиваются многие объекты и системы в природе и обществе. Об одном из проявлений гомоморфизма — политическом гомоморфизме — пойдет речь в этой статье.

Но вначале поясним, что именно имеется в виду под явлением и понятием гомоморфизма.

Гомоморфизм — частный случай изоморфизма. Философский словарь относит понятия *изоморфизм* и *гомоморфизм* к классу логико-математических понятий. Изоморфизм — одинаковость структуры и функций неких объектов (систем, процессов и т. п.), а гомоморфизм — уподобление их другим. Изоморфные объекты тождественны по всем параметрам, гомоморфные различаются при внешнем тождестве. Гомоморфизм определяется как более слабое отношение, чем изоморфизм. Суть его в следующем: элементу системы А может соответствовать не единственный элемент системы А1, а несколько или много. При этом А и А1 соотносятся как гомоморфный образ и гомоморфный прообраз. Например: оригинал и фотография, местность и карта, речь и ее магнитная запись и т. п. «Всякий изоморфизм есть гомоморфизм, но не наоборот»¹. Этимология слова *гомоморфизм* такова: *омос* по-гречески — один и тот же, равный, *морфэ* — форма.

Гомоморфизм в более широком, чем логико-математическое, понимании оз-

КОМЛЕВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА — доктор политических наук, доцент, профессор факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

начает схожесть по форме, но различие по содержанию. Представляется возможным выделить и такое производное от гомоморфизма понятие, как *гомоморфоза*, т. е. реальное проявление гомоморфизма в некоем объекте. В данном случае мы опираемся на пример О. Шпенглера, который ввел в научный оборот понятие *псевдоморфоза* для обозначения социального явления, о котором пойдет речь ниже.

Обращаясь к явлениям социальной жизни, мы замечаем присутствие гомоморфизма в целом ряде социальных феноменов. Гомоморфными являются, например, политические институты в различных цивилизационных системах и цивилизационные системы сами по себе. Так, любая цивилизация, в отличие от общества периода варварства, содержит сдерживающие нормы общественного и индивидуального поведения, запрещающие наиболее откровенные и грубые проявления биологического в человеке. В рамках христианской цивилизации это всем известные заповеди «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» и т. п. Тем не менее конкретные параметры каждой локальной цивилизации различны, в том числе и проявления общих культурных норм поведения. К примеру, христианин сочтет разрешенное в исламе многоженство формой прелюбодейства.

В рамках политического процесса также отмечается явление, которое можно назвать политическим гомоморфизмом. Так, гомоморфными можно признать, к примеру, политические системы стран Запада и бывших республик СССР. Россия, Грузия, Казахстан и другие бывшие социалистические республики, восприняв форму политических институтов Запада, не смогли воспроизвести их суть, да и не имели базы для такого воспроизводства. Гомоморфизм не развился в изоморфизм, поскольку ни системного гражданского общества как основного контролера государства, ни диффузной частной собственности как базы его формирования в России и странах СНГ не было и быть не могло по причине различных условий формирования цивилизаций Запада и России.

Каковы же эти условия? Что именно обусловило развитие России как политической гомоморфозы?

Специфика политического процесса в России определяется особенностями исторического развития страны. Основной же особенностью исторического пути России, как представляется, является развитие через культурные катастрофы.

Что такое культурная катастрофа, и почему развитие страны характеризуется именно этой чертой?

Культура в данном случае понимается как процесс творческого освоения человеком мира, в ходе которого производятся и потребляются материальные и духовные ценности (В. Межуев). Этот процесс имеет свои закономерности. В частности, любая культурная система (цивилизация) переживает моменты культурных кризисов.

Культурный кризис, как нам представляется, характеризуется следующим:

— это естественный этап культурной системы, изменения, приводящие к нему, вызывают внутри нее;

— содержанием его является постепенное замещение элементов одной культурной системы элементами другой;

— культурный кризис сопровождается напряжением ментального поля (споры и смена направлений в искусстве, науке), не переходя в сферу экономических и политических взаимоотношений социальных групп и классов, без физических столкновений социальных групп.

Культурная катастрофа, по нашему мнению, отличается иными признаками:

— это насильственно проводимое политической элитой комплексное замещение одной культурной системы качественно иной, в историческом плане осуществляемое одномоментно;

— замещение сопровождается резкими взломами и потрясениями социума, множественными социальными конфликтами вплоть до гражданской войны.

Культурные катастрофы сопровождают всю историю России, к ним можно отнести крещение Руси, татаро-монгольское завоевание, реформы Петра Первого, революции 1917 года, реформы Горбачева — Ельцина. Большая часть их была вызвана попытками вестернизировать Россию, т. е. заменить ее матричную культуру западной моделью. Особенно привлекательными для политической элиты России были западные индустриальные технологии.

Постоянство присутствия культурных катастроф в истории России говорит, в частности, о том, что основной причиной этого явления служит перманентная необходимость своеобразной энергетической подпитки цивилизационной системы. Подпитка же необходима потому, что собственные источники развития «настроены на иную волну», они просто иные по качеству, и постоянное считывание чужой (западной) цивилизационной и политической матрицы обеспечивает элементарное выживание в условиях, навязываемых извне более сильной и витальной цивилизацией, каковой является цивилизация Запада.

Отчего же Россия веками смотрит на Запад, а российский политический процесс копирует преимущественно западные формы? Почему Россия является гоморфозой именно западной политической системы?

Во-первых, оттого, что Запад тоже христианский, слово «нехристь» для русского всегда означало человека иной культуры. Во-вторых, и это главное, не случайно правители России всегда отдавали приоритет индустриально-технической составляющей культуры Запада. Поликонфессиональная, полиэтничная, громадная по территории страна могла сохранить единство только с помощью милитаристского обруча. Необходимость развития силовых структур, прежде всего армии, вызвала к жизни и необходимость российской «догоняющей модернизации» в виде индустриализации по западному образцу при Петре Первом, Александре Втором, Сталине, Горбачеве.

Однако вестернизация в России принимала весьма своеобразную форму. Российская элита все время пыталась соединить принципиально несоединимые параметры: передовые индустриальные технологии и несвободу производящего индивида.

Причина несвободы производящего индивида в России коренится в формах собственности. Общинная собственность была основной для производящих социальных групп в течение длительного исторического времени. Основное сред-

ство производства — земля — принадлежало всей общине, но подвергалось регулярному переделу, часто ежегодному. Причем у крестьянина не было монолитного надела, он был разбит на «полоски». Выход из общины был этим чрезвычайно затруднен, но и уходя общинник не мог выделить не только свой земельный пай, но и иную недвижимость — дом, поскольку он стоял на общинной земле. Дело заключалось в том, что община являлась коллективным плательщиком налогов и осуществляла иные формы так называемой круговой поруки. Следовательно, общине было крайне невыгодно терять плательщика, поскольку его платеж не отменялся, но перекладывался на оставшихся общинников, равно как и иные повинности.

Зависимость от общины, помещика соединялась с внутрисемейной зависимостью от старшего мужчины. Патриархальная семья почти до 1917 года была основной хозяйственной единицей в деревне. Сельское население составляло в России в начале XX века почти 80 % населения.

В этих условиях гражданское общество, изоморфное западному, возникнуть не может: нельзя отстаивать то, чего не осознаешь и чего реально не имеешь. Основа формирования и функционирования гражданского общества на Западе — необходимость защиты прежде всего реальной частной собственности как базы индивидуального благополучия. Чем больше и активнее развивается мелкая и средняя частная собственность на Западе, чем более массовым становится постепенно слой среднего класса, ядром которого и является мелкий собственник, тем прочнее и влиятельнее становится гражданское общество. Собственник постепенно осознает, что для защиты одного права — права собственности — ему необходим целый комплекс прав: свободный рынок, свобода мировоззрения (конкуренция на рынке иногда принимает форму конкуренции религий, к примеру), политические права и свободы и т. п. Нет реальной частной собственности у значительной части населения (крестьян) — нет и осознания системности прав человека, как и осознанной постоянной потребности в защите этого комплекса прав, в создании и развитии структур гражданского общества.

Таким образом, в России иная цивилизационная основа, чем на Западе (община, а не парцелла, несвободный товаропроизводитель, слабость рынка и товарно-денежных отношений как естественных регуляторов экономической жизни, слабое осознание необходимости постоянной защиты индивидуальных прав). В то же время после нескольких веков вестернизации наша страна отличается от соседей с Востока большей степенью индивидуализации личности, либерализации экономической и политической жизни. Политическая система России постепенно приобретала внешние черты политической системы Запада, почти полностью позиционировав себя как западная к концу XX века.

Что общего между политическими системами Запада и России? Плюрализм гражданского общества, парламентаризм, конституционализм, провозглашение России правовым демократическим государством в рамках Конституции РФ. Некоторые внешние черты правового государства в России присутствуют. Это формальное разделение властей, свобода информационного обмена между обществом и государством, верховенство закона и иные принципы, присущие правовому го-

сударству. Выборность власти на федеральном, региональном и местном уровнях (пока не будем обсуждать, правомерна ли замена общенародного избрания глав регионов на парламентское), наличие референдумов, альтернативность выборов, всеобщее равное избирательное право, контроль над государством со стороны гражданского общества (партий, прежде всего) — это основные признаки демократического политического режима. Признаки демократии в современной России существуют, если, опять-таки, брать чисто внешние проявления.

Чем же отличается политическая система России от политической системы стран Запада? При внешнем плюрализме и влиятельности гражданского общества на деле постоянно проявляется доминирование государства, а внутри него — исполнительной власти и силовых структур. Наблюдается декларативный характер законов (Президент В. В. Путин в одном из своих выступлений говорил о том, что четверть российских законов постоянно не исполняются), отсутствие законопослушания, двойственность политической морали. Важнейший признак правового государства — верховенство закона — осуществляется выборочно: размер имущества и должностной ранг приоритетно определяют меру ответственности перед законом. Законодательный суверенитет парламента — ненарушимый принцип правового государства — разбивается наличием указного права Президента, закрепленного Конституцией. Наконец, главный признак демократии — контроль со стороны гражданского общества над государством — реализуется очень слабо по причине явной несформированности самого по себе гражданского общества. Последнее же прямо зависит от несформированности такого социального слоя, как массовый мелкий собственник — производитель благ. Призывы облегчить долю мелкого бизнеса раздаются двадцать лет. Кос-что сделано, но перелома в положении массового мелкого производителя нет. Поэтому продукция мелкого и среднего производителя в ВВП стран Запада составляет 80 %, а в России — 11 %. Отсюда и реальный экономический и политический вес среднего класса как базы гражданского общества, отсюда и слабость самого гражданского общества и его неспособность к реальному и постоянному контролю над государством.

При слабом гражданском обществе политический режим не может не быть авторитарным, т. к. суть этой формы политического режима — в доминировании государства над гражданским обществом. Другое дело — мягкая или жесткая форма авторитаризма существует на том или ином этапе развития страны.

Слабое гражданское общество приводит к социальной гипертрофии государства. В России это проявляется в форме государственного патернализма, т. е. в стремлении государства контролировать все основные параметры жизнедеятельности индивида, регламентировать все сферы общественной жизни. Государственный патернализм достиг наивысшего развития в советское время, когда ни работу, ни жилье, ни образование, ни лечение нельзя было получить иначе, чем через государственные структуры. В частности, патернализм порождал социальное иждивенчество у подвластных. В отличие от западного человека российский преимущественно ждет помощи властей в решении своих социальных и материальных проблем.

Слабость гражданского общества, неотдифференцированность интересов социальных групп ведут к слабости парламента как представительной (законодательной) ветви власти. Недаром в России парламент появляется поздно — в начале XX века — на несколько веков позже, чем в Европе, и до сих пор не имеет законодательного суверенитета.

Если нет давления на государство через гражданское общество, подвластные могут корректировать политический курс властей только одним способом — бунтом. Предупреждение и подавление социальных бунтов ведет к гипертрофии исполнительной ветви власти с ее силовыми структурами.

Доминирование исполнительной ветви государства в политической системе и политическом процессе в России определяется также следующим:

— евразийский характер страны, ее исключительное ресурсное изобилие породили, в частности, возникновение постоянной военной угрозы ее существованию как с Запада, так и с Востока; в этих условиях государство намеренно тормозило развитие гражданского общества;

— сочетание громадной территории с относительно малой плотностью населения, так что, по выражению С. Соловьева, для исполнения повинностей государство хватало подданного там, где оно его находило. В то же время подданный вместо отстаивания своих прав по западному образцу и создания защитных структур гражданского общества всегда мог уйти (и часто уходил) от социального и политического притеснения на свободные ресурсные земли, благо территория позволяла;

— сам характер развития русского города (именно город — сфера возникновения гражданского общества и системной оппозиции) иной, чем в Европе: на Западе город как средоточие свободных ремесленников и торговцев противостоял феодальному замку как воплощению несвободы, в России город и являлся местом пребывания феодала. Недаром на Руси ремесленники назывались посадскими, их именно насильно сажал на определенной городской территории князь. Насилие было необходимо, поскольку ремесленники и торговцы бежали от того, что князь произвольно изменял регулярность сбора и повышал размер податей с них. Какая же регулярная социальная защита (кроме бунтов) в условиях фактического подавления мелкого собственника как естественной базы развития гражданского общества? И как оно вообще может возникнуть в таких условиях?

— слабость российского рынка (вследствие неразвитости индивидуальной частной собственности в деревне), порождавшая необходимость в искусственных регуляторах экономической жизни.

Указанные факторы приводили и к укреплению служилого сословия — как военного, так и гражданского. Громадный бюрократический аппарат отделил правящую элиту от населения. Отсюда коррупция — родное дитя бюрократии. Продажность, корпоративное преследование собственных интересов госаппаратом привели к тому, что в отсутствие гражданского общества подданные всегда видели в главе государства, как бы он ни назывался, избавителя от притеснений бюрократии. «Царь хорош, да окружение его плохо» — эта норма до сих пор существует в российской ментальности.

Кроме коллективного бунта, есть еще способ корректировки политического курса при слабом гражданском обществе — теневое влияние. Временщики, фавориты, «серые кардиналы» процветают в российской политике. Сегодня прибавились и такие формы теневой власти, как лобби и мафия. Иной раз невозможно понять механизм принятия властного решения, исходя из официального функционирования политических структур. Во многом бесконтрольные — и теневая и официальная — власти имеют привилегии, под которыми мы понимаем фиксированные не законом, а подзаконными актами льготы. Привилегии именно в силу произвольности, бесконтрольности существования имеют тенденцию к постоянному расширению и росту. Привилегии способствуют «теневой управляемости» депутатского корпуса, представителей исполнительной власти, развращают судебную власть. Распределяющий привилегии теневой лидер, например начальник общего отдела администрации некой властной структуры, фактически имеет власть большего объема, чем официальное должностное лицо выборных структур.

Рассмотрим такой элемент российского гражданского общества, как партии. В России они имеют элитный характер, представляя интересы не широких социальных слоев (интересы эти пока не дифференцированы и у них нет мощного социального носителя — количественно преобладающего среднего класса), а интересы узких группировок экономического характера или личные взгляды группы интеллигентов. В лучшем случае социальное представительство, реализуемое нашими политическими партиями, — профессиональное. Увеличивается самоизоляция политических партий от электората, поскольку его поддержка спонтанна, сиюминутна, ненадежна. Электорат же, не базирующийся экономически на диффузной форме частной собственности, т. е. не имеющий четкого представления о своих правах и способах их защиты, связывает свои смутные стремления к лучшей жизни то с той, то с другой партией по принципу «где больше дадут». В этих условиях центральные органы партий предпочитают ориентироваться на спонсоров — узкий круг экономически и политически могущественных людей. Равным образом и последние ищут партийной поддержки для обретения политического влияния или государственного поста. Поскольку все же электорат в условиях выборности органов власти необходим, то его поддержка завоевывается популистскими обещаниями и броскими предвыборными разоблачениями соперников. Несформированность социальной базы партий проявляется и в том, что партийная пропаганда лишь в редких случаях адресная, в основном же это обещания «всего для всех».

Итак, российская политическая система гомоморфна по отношению к политической системе стран Запада: сходство внешних параметров политических институтов не дополняется тождеством их функций и социальной базы. Гомоморфизм российской политической системы, как уже было сказано, определяется различными причинами, но одна из них главная: это догоняющий характер развития общества. В свою очередь «догоняющая модернизация» детерминирована необходимостью «занять» элементы западного индустриального производства и западной политической системы для обеспечения выживания и сохранения России

как целостной социальной системы в окружении постоянно враждебных соседей, зарящихся на природные богатства страны и ее территорию.

Таким образом, современная Россия представляет собой политическую гомоморфозу: схожесть формы, но нетождественность содержания в отношении ее гомоморфного прообраза — политических систем стран Запада.

Геополитическая экспансия России как государства также является гомоморфозой геополитической экспансии стран Запада и Востока, сходной по форме, но не тождественной по содержанию. Результатом экспансии в географическом пространстве являются империи, т. е. государства, образованные методом силового захвата, управляющиеся из единого центра по единообразным законам, не признающим исключений и приспособления к местной специфике, а также эксплуатирующие (присваивающие безвозмездно) ресурсы покоренных окраин. Однако Российская, как и советская, империя была не такова. Ряд территорий присоединился к Российской империи добровольно (например, Украина, Грузия, земли мордвы и т. п.). Территории имели элементы самоуправления, иногда значительно развитые. Так, Финляндия имела собственный парламент, Польша — конституцию, закавказские и среднеазиатские области сохраняли национальную и религиозную специфику в управлении. Элита покоренных и присоединившихся регионов входила в состав общероссийской элиты, а ее представители занимали видные и влиятельные места в структурах не только регионального, но и общероссийского управления. В советской империи главной отличительной чертой было то, что именно русский народ, являющийся государствообразующим и имперским народом, не столько пользовался ресурсами окраин, сколько отдавал свои ресурсы, особенно финансовые, интеллектуальные и демографические, для повышения уровня развития окраин.

Возможно, поэтому и причины, и форма, и последствия распада Российской и особенно советской империй были качественно иные, чем при распаде западных и восточных империй. Распад на языке геополитики называется контракцией (буквально — сжатие). Логично предположить, что если экспансия (расширение) имеет ярко выраженную специфику, то и контракция неизбежно ее сохранит.

Тем не менее российская геополитическая гомоморфоза также точно принимала вид «исторической псевдоморфозы», как ее определяет Шпенглер: «Историческими псевдоморфозами называю я случаи, когда чужая старая культура так властно тяготеет над страной, что молодая и родная для этой страны культура не обретает свободного дыхания и не только не в силах создать собственные формы выражения, но даже не осознает по-настоящему себя самое. Все вышедшее из глубин начальной душевности изливается в пустые формы чуждой жизни, юные чувства застывают в старческие произведения, и вместо свободного развертывания собственных творческих сил только ненависть к чужому насилию вырастает до гигантского размаха»².

Русской псевдоморфозой Шпенглер, в частности, называет Петровскую Россию, начало которой относит к основанию Петербурга. По аналогии с этим постсоветской псевдоморфозой можно, по-видимому, назвать государства постсоветс-

кого пространства, предпринимающие ныне активные, но неуклюжие попытки освобождения от всего советского и русского.

Наконец, выскажем следующее соображение. Политическая гомоморфоза — это, в основе своей, результат цивилизационной неудачи, изначально меньшей степени выживаемости в сравнении с победителями, определяющими ход мировой истории. Подражание, уподобление — явления, вызванные необходимостью или желанием принять форму победителя, хозяина, стремление сыграть с ним на равных, но неизбежно по его правилам. Гомоморфоза — проявление слабости, стремящейся казаться силой, для того чтобы выжить и обеспечить себе оптимальные условия развития в условиях постоянной борьбы с более сильными обществами. Тем не менее, как показывает практика, бывают успешные и неуспешные варианты гомоморфоз. Успешная гомоморфоза — такая социальная и политическая система, которая на определенном этапе своего развития и функционирования сама становится хозяином, победителем, во многом определяющим ход мирового развития. Такова Россия XIX и XX веков. Но гомоморфоза не бывает постоянно успешной именно потому, что вторична по отношению к своему гомоморфному прообразу.

¹ Философский словарь. М., 1983. С. 202.

² Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. Минск, 1999. Т. 2. С. 240.

Т. П. Нестерова

КУЛЬТУРА В ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА

Исследование тоталитарных идеологий, движений и режимов продолжительное время ограничивалось политической сферой: подробно изучались государственные структуры, особенности реализации внешней и внутренней политики, в меньшей степени — экономики. Вопросам развития культуры в рамках тоталитаризма посвящено ограниченное число исследований, в которых обычно рассматриваются лишь отдельные аспекты функционирования культуры (прежде всего искусства) в тоталитарном обществе¹.

Необходимо подчеркнуть, что для отечественной исторической науки проблема тоталитарной культуры долгие годы оставалась закрытой. Чаще всего ставился принципиальный вопрос: правомерно ли вообще говорить о культуре в условиях

НЕСТЕРОВА ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© Нестерова Т. П., 2006